

Детство на Донбассе, раскулачивание, увлечение театром и учеба у Юрия Завадского

<http://oralhistory.ru/talks/orh-2001>

🗣️ 16 мая 2016

Собеседник

Дупак Николай Лукьянович

Ведущий

Сейбиль Наталья Владимировна

Дата записи

Беседа записана 16 мая 2016 и опубликована 22 марта 2019.

Введение

В первой беседе актер Николай Дупак вспоминает семью, детство и юность. Он рассказывает о крепком хозяйстве отца на Донбассе, которое стало причиной дальнейших несчастий семьи — раскулачивания и ссылки родителей на лесоповал в Архангельскую область. Николай Лукьянович описывает, как из школьного драмкружка он попал в Таганрогский театр, поступил к Юрию Завадскому в Ростовское театральное училище и прошел пробы у Александра Довженко на фильм «Тарас Бульба». Беседа завершается рассказом о дружбе с Сергеем Бондарчуком.

О родителях и крестьянском быте

Наталья Владимировна Сейбиль: 16 мая 2016 года. Мы записываем интервью с Николаем Лукьяновичем Дупаком. Здравствуйте, Николай Лукьянович.

Николай Лукьянович Дупак: Здравствуйте.

Н. С.: Николай Лукьянович, расскажите, пожалуйста, где родились, когда, кто мама, папа, вообще какие первые детские воспоминания. Я знаю, что вы родились в октябре 1921 года.

Н. Д.: Правильно. А вы знаете, оказывается, когда я родился. Ну что, я родился, конечно, в удивительно интересной семье. Лука Ильич — отец. А дед мой Илья как раз из тех русских, которые освобождали Болгарию, в Плевне принимал участие. Отец с Украиной, с Винницей, с друзьями решил в период нэпа... Все мы забыли этот период, когда была новая экономическая политика: земли бери, сколько хочешь, делай, что хочешь. Вот они собрались втроем — не родные, а разные, двоюродные, приятели, связанные с родителями империалистической войной...

Н. С.: А отец воевал в Первую мировую?

Н. Д.: Воевал. Отец воевал с 14-го почти, 14-й, 15-й. Он воевал, был мобилизован. Под Петроградом было летное училище, где знаменитые потом летчики... Он был технически грамотным человеком и занимался обслуживанием самолетов.

Лука Ильич Дупак. Источник фото: gg.ru

Н. С.: Николай Лукьянович, а он из какой семьи был? Ведь эта семья была крестьянская или?..

Н. Д.: Крестьянская. Семья была крестьянская. Было зажиточное семейство. Любили трудиться, любили воспитывать детей. Все дети учились. Старобешево на Донбассе, в Донецкой [области].

Н. С.: А вы родились на Донбассе?

Н. Д.: На Донбассе, да. Уже Старобешево. Село Карачурино. Ну и они тогда, когда был нэп, — берите земли, сколько хотите, делайте, что хотите, — взяли по пятьдесят гектаров земли. Была там маленькая речушка. Они запруду поставили. Они запруду поставили. Через какое-то время в запруду эту запустили рыбку. Потом через пятьдесят – сто метров — еще одну запруду. Потом потихонечку стали осваивать землю. А потом стали строить дома. А потом рождались дети. А потом надо же детей учить. Значит, построили они школу. Потом построили они мельницу, ветряк. Ну и вот, развивалось... Были большие труженики, трудились. Был пример у них. Пример — при Екатерине еще были немецкие колонии. Сейчас тоже ведь дают земли — сколько хочешь бери. В те времена тоже.

Случилось так, что они обратились к отцу. У них вышла из строя молотилка. Знали, что он технически может разобраться. Он говорит: «Коля, поехали со мной». На дрожках мы поехали туда. Он мне все показал. И показал мне специально птичники. Ну, отремонтировал он молотилку. В общем, мне тоже чего-то дали, какие-то конфеты. Ну, было прекрасно.

Н. С.: Николай Лукьянович, а как маму звали?

Н. Д.: Анна Артёмовна.

Н. С.: А она из какой семьи? Вы знаете, как познакомилась мама с папой? Вы же младший ребенок, насколько я понимаю.

Н. Д.: Познакомились они через родителей. Родители мамы и родители отца дружили. Вот так случилось, что родился Иван, потом родилась Лиза, потом родился Сережа, потом Фрося родилась, потом родился Гриша, и 5 октября родился Мыкола, Мыкола Дупак. Извините, схватки начались у мамы, когда она формировала скирду. Она помогала наверху, подавали ей сено. Ей стало плохо, и отвезли ее, и меня она вот родила. И все было прекрасно.

Н. С.: А дом свой помните?

Н. Д.: Дом? Они все коллективно строили дом. Дом строили из камня. Каменный дом, каменные сараи, из камня погреба, потому что камня было много на Донбассе. Ну и скотина была, и куры были. В общем, хозяйство. Всё это было.

Анна Артёмовна Дупак. Источник фото: rg.ru

О бабушке, братьях и сестрах

Н. С.: А дедушки с бабушками?

Н. Д.: Бабушку я помню хорошо. Вот случай с бабушкой.

Н. С.: Бабушка со стороны мамы или со стороны?..

Н. Д.: Со стороны отца.

Н. С.: А как ее звали?

Н. Д.: Сейчас. Не могу напрягать, но... Бабушка разбирала мак. Мак, знаете, вот такой мачок. И Коля сидел с ней рядом, тоже выдавливал, разбивал это самое, и зернышки эти я...

Н. С.: Праздник же празднуется...

Н. Д.: Поначалу удовольствие. И вдруг я закашлялся, что-то случилось, что я растерялся, плохо стал дышать. Оказалось, что я проглотил скорлупку, и эта скорлупка закрыла дыхательное горло мне, и я вот-вот должен уйти в лучший мир. Тут сразу отец лошадей запрягает в бричку. «Мама, быстро давайте, всё!» И поехали мы в Юзовку. Юзовка — это отдельная статья. Юзовка — это Сталино было потом, а сейчас это Донецк. В общем, это место, где все рядом. Юз, этот англичанин, построил завод, построил дома, построил все. Добывали уголь, рядом руда. Все рядом было, и больница была. Вот доктор Бельви, — я запомнил, это мне сказали, кто меня...

Земская больница (Совбольница). Санный рынок. Юзовка (Донецк), 1911. Источник фото: pastvu.com

Н. С.: Вам сколько лет было? Лет пять?

Н. Д.: Три года.

Н. С.: Три года?

Н. Д.: Три года, да. Отец рассказывал, что когда ехали на лошадях, он гнал лошадь, когда они приехали уже, трамвай — и лошади впервые с трамваем... И рванули, и чуть не через мост. Он с трудом удержал их. Ну вот железнодорожный переезд через это самое... Ну, слава богу, сделали операцию. Вот она видна, вот они это все... Такая трубочка, я дышал. Ну и вот я, как говорится, уходил в лучший мир. Я остановился. Мне помогли задержаться на этой грешной земле.

Когда уже подрос, уже с ребятами стал играть, почему-то решили мы камушками бросаться. Значит, так случилось, что бросили камушек, — и вот здесь у меня можете пощупать, — пробили голову мне. Но это я уже был где-то шесть-семь лет. Вот такой уже.

Н. С.: Николай Лукьянович, а кто больше детьми занимался? Бабушка, или у мамы хватало времени? Или мама работала наравне с папой?

Н. Д.: Вы знаете, как-то я не был обижен. То с бабушкой поехали в церковь... Допустим, бабушка [занята], тогда с ребятами занимался: то Гриша, то Сережа. Сережа был уже у нас комсомолец, его в МТС¹, а потом ему говорят: «Слушай, Сережа, вот там есть у меня знакомый хлопец...»

¹ Машинно-тракторная станция

Н. С.: А Сережа старше. Он в каком году родился? Брат ваш, да?

Н. Д.: Брат, да. Он старше меня на десять лет, десять-двенадцать лет. Ну, видно по фотографии. Он говорит: «Вот я сговорился с одним своим другом. Давай работать. Давай занимайся извозом». Что такое извоз? Станция Моспино недалеко от нас была. К поездам они на бричке приезжали, пассажиры нагружались, и они отвозили в разные... Стали там МТС организовываться всякие, но это уже потом. Он был комсомолец.

Н. С.: Если он был старше вас лет на двенадцать, то мама с папой еще до Первой мировой войны поженились, да?

Н. Д.: Да-да.

Н. С.: И они всегда жили около Юзовки, там на Донбассе? И до войны Первой мировой? То есть они никуда не переезжали?

Н. Д.: Нет, уже да, да.

Н. С.: А бабушка вам песни пела, сказки рассказывала?

Н. Д.: Ну, она больше у меня там... Она была набожный человек.

Меня очень напугало, когда я зашел в сарай и увидел в сарае крест и гроб. Я очень испугался всего этого дела, но меня убедили, что бабушка сказала, что сама себе все приготовила, никаких вам забот...

Н. С.: Так принято было.

Н. Д.: Да. В церковь меня водила бабушка. Нехорошо так говорить, но она встретила там с подружкой, чего-то говорила, я причастился, подошел к ним, а они чего-то продолжают говорить. Я смотрю — народу мало — и второй раз стал причащаться, и батюшка мне так: «Второй раз не годится». И я очень обиделся. Мне понравилось причащаться.

Далеко мы чего-то зашли.

Н. С.: Ну, собственно, у нас такая задача. А школы в этой деревне не было?

Н. Д.: Не было школы. Была деревня очень бедная. Вот был только пруд, стали сажать сады. Вишневы большой сад у нас был, очень большой сад был. Потом построили ветряк, — я вам говорил. Потом построили запруду — рыба у нас была своя. Пашни было очень много. Обрабатывали все эту пашню. Где-то к 30-м годам мы жили очень зажиточно.

Н. С.: И в школу вы там начали ходить?

Н. Д.: В школу — там. Найдем фотографии. Где одна учительница четыре класса вела, и помощница была. Школа была прекрасная, и мы все учились, а потом уже на шестые-седьмые классы отправляли нас в Иловайск. Специальная школа там, снимали комнату. А Лиза, старшая сестра, она еще раньше кончила и получила направление в Сорочинцы. На Украине Сорочинцы. Она преподавала русский язык в украинской школе.

Н. С.: То есть она после школы еще училась где-то? Она заканчивала институт или училище?

Н. Д.: Училище она оканчивала. Ну, так случилось, что она там вышла замуж, родился сын у нее. Когда произошла эта трагедия, в смысле нэп как-то был уродливо извращен, и появились мы как кулаки, зажиточные, да... Желание было вступить в колхоз у них, кстати говоря, но их почему-то, богатых, не очень жаловали, не очень принимали, и началось вот это самое ужасное...

Н. С.: А вы помните своих учителей в школе?

Н. Д.: Одна учительница у всех преподавала. Я вам потом покажу. Интеллигентная очень была женщина, и помогала ей помощница, но помощница — в смысле проверяла... Как бы тоже была учительница, но в основном вот...

Н. С.: А преподавала на русском, на украинском?

Н. Д.: На русском языке, да и вообще как-то отец больше...

Н. С.: То есть у вас в семье говорили по-русски?

Н. Д.: Разговляли на украинской мове, но по-русски как-то так... Он же был военный, был в армии, там же все не по-украински, а по-русски говорили. Теперь все на Украине говорят на украинской мове, хотя с трудом выговаривают.

Н. С.: У меня мама закончила украинскую школу. Она очень хорошо говорила и по-украински, и по-русски.

Раскулачивание и ссылка родителей

Н. Д.: Да-да-да, и по-украински, и... Потом, когда сложилось это вот... Неприятности...

Н. С.: А вы помните, как это было?

Н. Д.: Как не помню? Конечно, помню. На бричке приехал, предъявил документ, что вы отправляетесь на поселение, можете взять с собой все, что войдет в бричку. Бричка такая вот. Нас — отец, мама, Гриша и Коля. Вот четыре.

Н. С.: А остальные?

Н. Д.: А остальные... Ну, Лиза преподавала в Сорочинцах. Сережа — в Старобешевском МТС. Он уже был комсомолец, уже такой передовой хлопец. Фрося в это время еще училась в восьмом или, кажется, в девятом классе в Иловайске. Когда нас вез этот мужик, тут Гриша говорит: «Папа, я могу взять велосипед?» Он говорит: «Нет. Если ты берешь велосипед, то вот этот узел снимем». Подъехали мы, на Иловайске стояло много-много вагонов, теплушки такие. Нары вот такие были, и в вагоне или две семьи было, если большая семья, или четыре семьи. У нас было...

Н. С.: Николай Лукьянович, а папа ваш понимал же, что коллективизация начинается? Он пытался в колхоз вступить? Или вы этого не помните?

Н. Д.: Ну, вы знаете, вопрос так не ставился. Его не очень звали в колхоз. Он был немножко самостоятельный. Наоборот, он всем помогал. Если была косовица, косить что-то надо или убирать, его приглашали. У него был друг, который вместе с ним служил в армии, и он ему и дом построил, и сады... В общем, это все было дружно и, на мой взгляд, замечательно.

Случилось так, что эти составы... Мы поселились на первой полке. Вот такая была полка. Здесь тоже была семья. И каким-то образом Фрося, моя сестра, узнала о том, что нас... И буквально за несколько минут до отхода этого состава сформированного с людьми, с детьми и с мешками, с какой-то одеждой — взяли, что можно было взять...

Н. С.: А скот, естественно, весь конфисковали, всё конфисковали?

Н. Д.: Это я не знаю, чего конфисковали. Нам сказали, что вас раскулачили — и на поселение. Ну чего — брать ружье? Смирились, вот с этим решением смирились, потому что до этого был нэп, очень все было свободно, легко, а потом вдруг политика изменилась.

Н. С.: А бабушка жива еще была?

Н. Д.: Нет уже. Бабушка ушла в лучший мир. Она поторопилась, не захотела, чтоб ее отвозили. И Фрося буквально несколько минут до отхода этого эшелона... Бегала, узнала о нас, с трудом это самое, и отправились мы (*изображает гудок паровоза*), значит, и поехали.

Н. С.: А это в 31-м году приблизительно?

Н. Д.: 30-й — 31-й годы. И вдруг остановка на станции Старый Оскол. Приходят в наш вагон и с трудом забирают Ефросинью, Фросю.

Н. С.: А кто пришел и забрал ее?

Н. Д.: Ну, она не была...

Н. С.: То есть ее энкавэдэшники...

Н. Д.: НКВД. Она не попадала под выселение. К великому сожалению, она осталась в Старом Осколе, одинокая...

Н. С.: Совсем же девочка — из девятого...

Н. Д.: Да нет, она уже взрослая... Вот эта фотография буквально после всех этих событий, уже после того, как нам удалось вернуться. Как распоряжение было, всех...

Семья Николая Лукьяновича Дупака. 1930-е гг. Источник фото: gg.ru

Н. С.: Давайте подробно. Значит, ее забрали в Старом Осколе...

Н. Д.: Ну, приехали, там станция Коноша. Всех детей до десяти-двенадцати лет — если есть родственники, чтобы забрать, то не возражали. Отец связался со своим другом, он приехал и забрал восемь человек: нас с Гришей двое и остальные.

Н. С.: Николай Лукьянович, а куда их выселили?

Н. Д.: Коноша.

Н. С.: Это где?

Н. Д.: Это Архангельская область. Там были для этого построены большие очень бараки. Цель была одна: они должны были заготавливать лес для шахт Донбасса. Некому было. Вот рубили лес.

Возвращение в Донецк

Н. С.: Сколько там мама с папой пробыли? Или они так оттуда и не вернулись?

Н. Д.: Мы пробыли где-то с полгода, а мама немножко позже... Но там уже были какие-то послабления. Если кто-то поизобретательнее, уже удалось там где-то снять комнату, хатку недалеко, потом завести козу... Уже потом я ругался с отцом: «Зачем ты приехал сюда?» Еще в таких очень неправдивых условиях он оттуда приехал... Нет, из-за этого я ругался по одной простой причине: он никак не мог уехать, но ему помогли друзья, то есть работники. Бригада была, которая рубила лес. Там было шесть или восемь человек. Они решили, что отец был как бы старше...

Н. С.: Бригадиром.

Н. Д.: Не бригадиром, а просто по возрасту. И они решили его отправить.

Н. С.: А мама там осталась.

Н. Д.: Нет, мама раньше приехала. Ну, женщин не задерживали. Раньше приехала, и мы сняли сарайчик в том же Сталино самом. Меня потом в 1-ю школу определили. Лиза оставила школу в Сорочинцах и занялась нами. Была она вынуждена. Ей посоветовали, для того чтобы как-то устроиться, [пойти] на мясокомбинат. На мясокомбинате рабочим можно было купить, или выдавали мясо, легкие, селезенки...

Н. С.: Николай Лукьянович, это же самый голод. Вот 32-й — 33-й год — это голод на Украине. Как вы его пережили?

Н. Д.: Ну, я не знаю. Я не ощущал. Когда Лиза работала, ей карточку давали, и на нас как иждивенцев тоже давали не то двести, не то триста грамм. Ей давали четыреста грамм. Даже был такой трагический случай у меня, что я ходил за хлебом по карточкам. Пришел, а не привезли еще хлеб. Стоит очередь. Ребята пригласили меня поиграть в футбол. Ну, карточки я как-то держал, положил их под рубашку и играл в футбол.

Привезли хлеб. Я занимаю свою очередь. За карточкой — карточки нет! Я потерял карточку.

Это была очень такая для... Ну, меня не ругали.

С Ефросиньей случилось так. Познакомилась она с начальником железнодорожной станции. Он был холостой и предложил ей руку и сердце. Она осталась в Старом Осколе, списывалась с нами. К великому сожалению, однажды они уехали, меня оставили с соседями, и ничего я не знал. Почти через года полтора-два я узнал, что, к великому сожалению, Ефросинья, Фрося любимая... Она очень старалась, естественно, помогала по хозяйству... Женщины обычно выходили на речку Оскол зимой и отбивали белье, полоскали, и так случилось, что она простудилась. Они меня не взяли. Я узнал через год только, что Фрося ушла в лучший мир.

Отец приехал оттуда в сказочном... Неправда. Я расскажу, что его друзья-лесорубы соорудили ему нишу такую — полтора метра ниша, тоже где-то полтора в высоту, — и загрузили его туда. Все остальные как-то устроились, а он оказался один. Мама уехала, дети уехали, а он один. Вот ребята решили: «Давай, Лука Ильич, мы тебе вот тут вот сделаем...» А там вагоны когда загружали, писали, на какую шахту пойдет вагон, лес куда. Смолянка, Рутченково. Ну, Рутченково — это было километров восемь от Сталино, от Донецка. Они сделали сооружение ему, вот такую нишу.

Н. С.: И он сбежал, да?

Н. Д.: И он там, извините... Загрузили его. Как он рассказывает, приехали в Рутченково (слава богу, поезд пришел ночью) и стали разгружать, и он кричит: «Осторожно, здесь человек!» И вот так случилось, что он к нам приехал в Сталино.

Н. С.: Счастье, что в НКВД его не сдали. Говорю, повезло.

Переезд в Таганрог

Н. Д.: Не сдали, но рабочие, шахтеры, которые разгружали эти вагоны, были удивлены. Он сказал, что он вот из Коноши, а семья его здесь. И мы повстречались. Он нашел потом работу себе. Но где-то кто-то однажды постучал, что... Узнал его или каким-то образом. И он говорит: «Дорогие мои, хорошие, давайте поедем в Таганрог». Там у него есть знакомые на трубопрокатном заводе. Вот мы поехали туда. Сняли комнату в Таганроге. Меня определили в 27-ю школу.

Н. С.: А боялись НКВД в семье? Вы помните это чувство страха в семье? Вот когда настучали и надо было...

Н. Д.: Нет. Я не ощущал.

Н. С.: А родители при вас не обсуждали.

Н. Д.: Да. Ну чего... Не было такого ощущения, что за вами все время... Но на всякий случай нужно себя вести аккуратно.

Н. С.: Говорили родители, что в школе нельзя рассказывать, что был дом, хозяйство?

Н. Д.: Нет, да мы сами... А чего мне рассказывать?

Н. С.: То есть вы сами понимали.

Н. Д.: Нормально сняли комнату. В этой комнате вчетвером: мама, Гриша, я и отец. Нормально и недалеко от 27-й школы.

Н. С.: Нет, я имею в виду, что не предупреждали, что друзьям лучше не рассказывать, что раскулачены были?

Н. Д.: Нет. Ну, я не знаю, я никому ничего не... Я знаю, что случилась такая беда, и восприняли... Ну, судьба. Немножко вот и отец к этому относился — что делать, судьба такая.

Н. С.: И дальше уже отец работал в Таганроге на трубопрокатном заводе?

Н. Д.: Да. Потом перешел на другую работу, полегче.

Н. С.: А мама работала?

Н. Д.: Нет, мама за нами, ребятами... Она на рынок ходила.

Н. С.: А что мама дома готовила? Что из детства было такое самое вкусное? Вареники делала с вишнями?

Н. Д.: Да все, что обычно. Вареники делали и выпекали, какие-то пирожки даже пекли. Вкусно, вкусно. Вообще всегда все было у нас вкусно. А потом уже в Таганроге так случилось... Это уже был восьмой класс. Я с украинской школы попал в русскую школу. И там занимался какой-то самодеятельностью, а потом пригласили... Очень хорошая статья есть, вы нашли, к моему шестидесятилетию — предварительные итоги...

Н. С.: Это о том, как вы в Таганрогский театр попали?

Н. Д.: Да, да, да.

Н. С.: А это вы мне сейчас все расскажете. Николай Лукьянович, а мама, папа дома пели? Вот гости когда? Приходили гости домой?

Н. Д.: Ну, приходили. Приходят чайку попить, и все. Вот как-то очень просто. Я лично не ощущал голода, и Гриша не ощущал голода. У нас были карточки. Все-таки нам выдавали, как иждивенцам. Отец работал.

Школьный драмкружок и увлечение театром

Н. С.: Нет, я имею в виду, что в доме принято было петь? Вот откуда эта творческая в вас жилка появилась?

Н. Д.: Как в одном анекдоте говорят, «сами удивляемся». Нет, серьезно. В восьмом классе мы чего-то играли, а до этого в Донецке еще мы прочитали «Как закалялась сталь» и почему-то... Мы очень были заняты в школе. У нас был хоровой кружок, фотокружок, авиамодельный кружок... Мы были очень...

Н. С.: А учились вы раздельно? Школа для мальчиков была, да, не совместная?

Н. Д.: Да нет, совместная. Никаких мальчиков-девочек. Что вы!

Н. С.: Потому что в Москве были отдельно школы.

Н. Д.: Ну когда это?

Н. С.: До 48-го года.

Н. Д.: Так, а при чем здесь? Это 48-й год и тридцать какой? 30-е годы.

Н. С.: В 30-е годы были общие школы?

Н. Д.: Общие. Нормальные. И девчонки, и мы. Извините, и ухаживали за девчонками, и всё у нас... Что удивительно, как-то мы были заняты очень. И педагоги были блестящие. Даже драмкружок у нас был. И почему-то «Как закалялась сталь» мы поставили даже. В колхоз ездили с этим спектаклем. А потом даже назвали «Драматический кружок имени Игоря Ильинского».

Н. С.: А почему Игоря Ильинского?

Н. Д.: А потому что в то время был фильм «Закройщик из Торжка». Там Марецкая играла. Мы очень симпатизировали.

Н. С.: А в кино часто ходили?

Н. Д.: Ну, нечасто. Мы даже еще в деревне тогда вот... В 30-е годы к нам привозили передвижки. Или в саду показывали, или в школе показывали, крутили. Нам, ребятам, разрешили покрутить динамо-машину, и мы получали колоссальное удовольствие. Вот такая культурная...

Н. С.: А фильмы какие? Александровские?

Н. Д.: Мне запомнился очень фильм «Закройщик из Торжка». И потом я даже об этом рассказывал Вере Петровне Марецкой и Игорю Ильинскому, когда в театре Станиславского... «А я вас видел, знаете, когда? Еще когда мне было десять лет».

И случилась история, что я записался в этот...

Н. С.: Театральный кружок?

Н. Д.: Театральный кружок.

Н. С.: А когда вы в театр первый раз попали? Помните свое первое посещение театра?

Н. Д.: Первое посещение театра. Я попал в Бердянске. Нас, пионеров, на лето вывозили в лагерь. И нас возили после того, как мы искупались... Мы выстраивались и пели песни:

*Ты, моряк, красивый сам собою,
Тебе от роду двадцать лет.
Полюби меня, моряк, душою,
Что ты скажешь мне в ответ?*

И все:

*По морям, по волнам,
Нынче здесь, завтра там.*

То есть потрясающее настроение, очень мы любили... То есть это фантастически. Впервые я побывал в Бердянском театре. Какой спектакль, я сейчас не могу... Ну, что-то связанное с врачами. И фильмы показывали. Жизнь... То есть я не ощущал себя ущемленным. Нормально, нормально все.

Н. С.: Николай Лукьянович, когда вы захотели вообще стать актером, связать свою жизнь с театром?

Н. Д.: Я же вам сказал, что мы в школе играли. Я играл этого самого... Кстати говоря, Поюровский об этом пишет.

(Далее Николай Лукьянович читает фрагменты из «Бориса Годунова» А. С. Пушкина)

*Вот и фонтан; она сюда придет.
Я, кажется, рожден не боязливым;
Перед собой вблизи видал я смерть,
Пред смертью душа не содрогалась,
Мне вечная неволя угрожала,
За мной гнались — я духом не смутился
И дерзостью неволи избежал.
Но что теперь теснит мое дыханье?
Что значит сей неодолимый трепет?
Иль это дрожь желаний напряженных?
Нет — это страх. День целый ожидал
Я тайного свидания с Мариной.
Обдумывал все то, что ей скажу,
Как оболъцу ее надменный ум,
Как назову московскою царицей, —
Но час настал — и ничего не помню.
Не нахожу затверженных речей;
Любовь, любовь мутит мое воображенье...
Но что-то вдруг мелькнуло... шорох...*

Царевич!

*Волшебный, сладкий голос!
Ты ль наконец? Тебя ли вижу
Под сенью тихой ночи?
Как медленно катился скучный день!
Как медленно заря вечерня гасла!
Как долго ждал во мраке я ночном!*

*Часы бегут, и дорого мне время —
Я здесь назначила свиданье*

Не для того, чтоб слушать нежны речи
Любовника. Слова не нужны. Верю,
Но я б хотела свою судьбу с твоею
Соединить.

Скажи: когда б не царское рожденье
Назначила слепая мне судьба;
Когда б я был не Иоаннов сын,
Не сей давно забытый миром отрок:
Тогда б... тогда б любила ль ты меня?..

Димитрий, ты и быть иным не можешь;
Другого мне любить нельзя.

...Так знай же: твой Димитрий
Давно убит, зарыт — и не воскреснет;
А хочешь ли ты знать, кто я таков?
Изволь, скажу: я бедный черноризец;
Монашеской неволею скучая,
Под кlobуком, свой замысел отважный
Обдумал я, готовил миру чудо —
И наконец из келии бежал
К украинцам, в их бедные курени,
Владеть конем и саблей научился;
Явился к вам; Димитрием назвался
И поляков безмозглых обманул.
Что скажешь ты?

О стыд! о горе мне!
А если я твой дерзостный обман
Заранее пред всеми обнаружу?

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
Что более поверят польской деве,
Чем русскому царевичу? — Так знай же,
Что ни король, ни папа, ни вельможи —
Не думают о правде слов моих.
Димитрий я иль нет — что им за дело?
Но я предлог раздоров и войны.
Им это лишь и нужно, и тебя,
Мятежница! поверь, молчать заставят.
Прощай.

Постой, Димитрий. Наконец

*Я слышу речь не мальчика, но мужа.
С тобою, друг, она меня мирит.
Безумный твой порыв я забываю
И вижу вновь Димитрия. Но — слушай:
Пора, пора! проснись, не медли боле;
Веди полки скорее на Москву —
Очисти Кремль, садись на трон московский,
Тогда за мной шли брачного посла;
Но — слышит бог — пока твоя нога
Не оперлась на тронные ступени,
Пока тобой не свержен Годунов,
Любви речей не буду слушать я.*

*Нет — легче мне сражаться с Годуновым,
Или хитрить с придворным езуитом,
Чем с женщиной — черт с ними; мочи нет.
И путает, и вьется, и ползет,
Скользит из рук, шипит, грозит и жалит.
Змея! змея! — Недаром я дрожал.
Она меня чуть-чуть не погубила.
Но решено: наутро двину рать.*

Вот так.

Н. С.: Потрясающе. А это вы в Таганроге начали?

Н. Д.: Да, да. Найдите эту статью, там описывается. В Таганроге. Это мы вот такое в школе.

Н. С.: Это школьный спектакль был.

Н. Д.: Школьный спектакль был. Наш руководитель Дворца культуры завода имени Сталина в Таганроге к юбилею Михаила Юрьевича Лермонтова поставил такую композицию — «Скажи-ка, дядя, ведь не даром...» И вот мне предложил сыграть мальчика, который говорит:

*— Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!*

Он:

— Да, были люди в наше время...

И весь этот монолог... Потом там действие. Такой спектакль, такой отрывок оттуда к юбилею...

Приглашение в Таганрогский театр

Кончился спектакль, аплодисменты, и ко мне подходит мужчина, говорит: «Я режиссер Таганрогского театра. Я сейчас ставлю Мольера, „Тартюф“, и там есть Дамис, сын Оргона. Сколько вам лет?» Я говорю: «Пятнадцать». — «И ему пятнадцать. Вот я хочу, чтоб вы сыграли эту роль». Я говорю: «Но смогу ли?» — «Ну, это не тебе решать: сможешь ли, не сможешь ли. У тебя есть возможность? Посоветуйся с родителями. Когда заканчивается школа?» — «В два часа». — «Сколько тебе времени нужно, чтобы доехать?» — «Час». Трамвай ходил от школы, ну, немножко дальше и к центру. «Хорошо». Вот. Дали мне текст,

я еще какие-то стишки прочел.

Н. С.: А как мама с папой к этому отнеслись? Восприняли это серьезно? Или так, баловство детское?

Н. Д.: Как-то я даже не обсуждал это. Я эти вопросы сам решал, не советовался, а можно ли мне в артисты.

Кружок, занимались. Мы безумно были влюблены в школу. Нам так было интересно в школе. Драматические кружки, авиамодельные кружки, хор. Не было школьника, который чем-нибудь не занимался.

Н. С.: А книжки какие читали? Не помните?

Н. Д.: По программе, но я пытался в свое время и Маяковского учить даже. Пытался даже учить этого самого²...

² Николай Лукьянович читает «Письмо к женщине» Сергея Есенина.

Вы помните,

Вы всё, конечно, помните,

Как я стоял,

Приблизившись к стене,

Взволнованно ходили вы по комнате

И что-то резкое

В лицо бросали мне.

Вы говорили:

Нам пора расстаться,

Что вас измучила

Моя шальная жизнь,

Что вам пора за дело приниматься,

А мой удел —

Катиться дальше, вниз.

Любимая!

Меня вы не любили.

Не знали вы, что в сонмище людском

Я был, как лошадь загнанная в мыле,

Пришпоренная смелым ездоком.

Не знали вы,

Что я в сплошном дыму,

В развороченном бурей быте

С того и мучаюсь, что не пойму —

Куда несет нас рок событий.

Лицом...

И так далее. Вот я этого читал. Значит, сыграл я этого самого в «Тартюфе». Потом «Падь Серебряная» Погодина, кажется, о китайских событиях тех времен. Мне дали японца сыграть. «Ясуки мацууки хасюписи хасюхаки», — так я играл такого мальчика. Потом очень было замечательно — Бруштейн... Ой, господи, забыл.

Н. С.: Александра Бруштейн, «Дорога уходит в даль...»

Н. Д.: Да, это о немецких пионерах. Там я Отто какого-то играл, мальчика. Потрясающе играли Ивановский и Горская, удивительные провинциальные актеры, удивительные. Когда он говорил, что сувениры, грудь, это самое, то многие в зрительном зале истерили, в обмороки падали. То есть до такой степени... Было время, когда зрители вместе с артистами переживали по-настоящему. Вот это было вот... Не знаю, но это я вспоминаю те времена.

Н. С.: Николай Лукьянович, а одноклассники к вам на спектакли приходили?

Н. Д.: Приходили и гордились. Просили: «Ты можешь контрамарку или билеты?...» Я уже был такой заводила, выдавал им...

Н. С.: Понятно.

Поступление в Ростовское театральное училище

Н. Д.: Потом Юрий Александрович Завадский приехал к нам провести мастер-классы.

Н. С.: В Таганрог?

Н. Д.: В Таганрог, да. Он же в Ростове, театр Завадского. Они здесь в полуподвале играли, а потом построили новый театр в Ростове-на-Дону, потрясающий, самый современный театр, и предложили переехать туда. Многие актеры переехали. Там были замечательные актеры: и тот же Мордвинов, и та же Марецкая, и Плятт. Один месяц они гастролировали в Москве обычно, в первые годы...

Драматический театр им. М. Горького. Ростов-на-Дону, 1935. Источник фото: pastvu.com

Здание драматического театра ночью. Ростов-на-Дону, 1937. Фотограф М. Г. Прехнер. Источник фото: pastvu.com

Н. С.: Завадский же потом был главным режиссером Моссовета, да?

Н. Д.: А второй месяц... Ну, это уже совсем попозже. Второй, значит, они в Ленинграде.

Ну и вот он говорит: «Молодой человек, а вам бы не хотелось поучиться на артиста?» Говорю: «Ну, это моя мечта». — «В августе месяце будет конкурс у нас, мы принимать будем. Вы приезжайте, подайте заявление...»

Н. С.: Это вы уже школу окончили или это какой-то девятый-десятый класс?

Н. Д.: Нет, это был 38-й — 39-й год. Я учился. А потом, после того как меня приняли... Удивительно. Народу было! Все жаждущие в артисты. Очень много народу. Потому что театр звучал. Один курс уже проучился. Они уже участвовали в спектаклях, о них уже писали статьи, рецензии. Ну, я записался. Сказали: «Дупак». Я уже выступал с этим, но повторюсь, потому что для меня это было очень какое-то непонятное явление. Я вдруг... «О, великое искусство, прими мои первые шаги!» И пошел. Я прочел «Скажи-ка, дядя», потом прочел Есенина и Надсона. Сказали: «Спасибо». — «Пожалуйста». Я вышел — и вдруг [объявляют]: «Бондарчук». Через минут двадцать вышел Бондарчук. Мы подождали, часа два ждали, и нам объявили, значит... Ну, вот там есть фотография, где первый курс...

Студенты Ростовского театрального училища (слева направо): Владимир Панов, Николай Дупак, Сергей Бондарчук, Сергей Терещенко. 1939

Н. С.: А кто с вами на курсе, кроме Бондарчука, учился из тех, кто стали большими артистами?

Н. Д.: Ну, многие. Чекан Станислав знаменитый. Потом актер... Господи, в Театре на Малой Бронной, ушел в лучший мир, замечательный актер. Ну, много я могу...

Н. С.: Дуров?

Н. Д.: Нет, нет, нет. Нет, не Дуров.

Н. С.: А кто это на Малой Бронной?

Н. Д.: Был красивый. Потом был период, когда он играл Чапаева. В смысле мы школьные фестивали устраивали. Был период такой, когда в конце учебного года каждая школа принимала участие в параде и чего-нибудь изображала. Нашей школе достался Чапаев. Тьфу ты, господи. Он играл Чапаева, а я Петьку играл. Настоящий пулемет у нас, настоящие лошади, — все настоящее. Даже я там чего-то кричал: «Тихо, граждане! Чапаев говорить будет!»

Н. С.: Николай Лукьянович, мне Борис Михайлович Поюровский рассказал, если не обманул, что ваша первая жена была дочерью Чапаева.

Н. Д.: Вера Васильевна. Почему обманул? Это действительно случилось. Случилось так, что мой командир полка, а потом командир дивизии... Дружили мы, в общем, встретились в Столешниковом переулке случайно...

Н. С.: То есть это уже после войны было?

Н. Д.: Да.

Н. С.: Тогда мы до этого еще дойдем. Войну отдельно будем записывать. Николай Лукьянович, давайте мы сегодня поговорим еще про курс Завадского. И я так понимаю, что вы уже подустали.

Н. Д.: Давно.

Все-таки мне же посчастливилось с очень великими артистами...

Н. С.: Это мы все отдельно.

Н. Д.: Этим я очень дорожу.

Н. С.: Конечно.

Н. Д.: Особенно первая работа с Григорием Наумовичем Чухраем. Я же во всех фильмах у него снимался.

Пробы на фильм «Тарас Бульба»

Н. С.: А еще про Довженко вы расскажете.

Н. Д.: Да. Ну, Довженко — это очень... Ну, приехали, значит, два этих мужика: «Можно вас на минуточку?»

Н. С.: Это вы учились у Завадского?

Н. Д.: У Завадского. В Ростове есть театр такой, фойе большое. Они: «Можно вас на минуточку?» — «Можно». — «Вот мы из киевской киностудии. Нам бы хотелось, чтобы вы нам чего-нибудь рассказали, подыграли, а мы сняли бы. Сейчас мы ищем исполнителей на роль Андрия и на роль Тараса в кинофильме „Тарас Бульба“. Можно вас?» — «Пожалуйста». Вот завели меня, значит, они сели спиной к Театральной площади, а я смотрю на Театральную площадь, и они мне, как первокурснику, дают задание. «Представьте, что по улице идет девушка». А был уже апрель месяц 41-го года. Весна потрясающая.

Но это не брехня — то, что я говорю. Действительно, много эпизодов в жизни у меня, когда непонятно, по какой причине, почему я поехал в эту сторону, а не поехал в ту сторону, почему я стал этим заниматься, а не тем, почему я стал строительством заниматься, а не какие-то... И много вот таких «почему».

И они говорят: «Вот девушка. Вот проведите...» Там площадь, апрель месяц. Вот так же камера стоит, как сейчас стоит эта камера. Я смотрю на эту площадь. Идет очаровательная девушка, платье развевается, шарфик у нее. Я эту девочку взял и проводил по площади до конца. Говорит: «Спасибо». Еще несколько раз он там клацнул. «Вы можете улыбнуться?» Я говорю: «Если смешное что-нибудь расскажете, я улыбнусь». Он что-то такое сообразил, я действительно улыбнулся. «Спасибо». Я говорю: «Пожалуйста».

Буквально через несколько дней я получаю телеграмму: «Прошу срочно прибыть в Киев. Киностудия, проба роли Андрия в кинофильме „Тарас Бульба“. Александр Довженко». Вот такая телеграмма. Ну, собрали мы деньги... Кстати говоря, очень как-то по-людски, не сочувствуя, а уважительно относились ростовские артисты Театра юного зрителя, Театра оперетты. Они устраивали ночные вечера. Фонд от сборов с ночных вечеров поступал в нашу кассу взаимопомощи. Этими деньгами мы распорядились: обедали, для себя какие-то вещи могли купить, сделать... То есть такого уважительного отношения... Когда нам объявили с Бондарчуком и еще вот... Ну, я вам покажу наш вечер.

Дружба с Сергеем Бондарчуком. Знакомство с семьей Чапаева

Н. С.: А вы в общежитии жили?

Н. Д.: Нет. Я как раз хотел... Во-первых, там актеры сами жили... Через парк проходили мы, и у них специально был построен Дом актера. До нас на первом курсе предложили, чтобы два человека (ну, девочки с девочками, мальчики с мальчиками)... Значит, они снимали для нас комнату. Вот живет наша хозяйка, у нее была дочь. У них была трехкомнатная квартира, и одну комнату они нам сдавали с Сережей. Он так подошел ко мне: «О, великое искусство! Давай с тобой...» Он всю жизнь иронизировал, когда меня где-то... «О! Явился Дупак! О, великое искусство!» Понимаете? Да, царство небесное, конечно. Удивительный, удивительный.

Н. С.: А он откуда в Ростов приехал?

Н. Д.: Артист Ейского драматического театра. Сережа Бондарчук.

Н. С.: Он старше вас был.

Н. Д.: На один год он был старше. Его отец был председателем колхоза. «Сало с салом мы ели и спали в соломе». Тут у меня фотография с ним, где мы сыграли «Мещане». Он Нила играл, а я — Петра.

Сергей Бондарчук в роли Нила в пьесе М. Горького «Мещане». Работа студентов Ростовского театрального училища. Конец 1930-х гг.

Ну и вот, значит, чтоб закончить в отношении, как я попал к... Коркуц говорит: «Я жду. Вот сейчас придет мой фронтовой друг Александр Васильевич Чапаев, генерал-майор». Мы познакомились. Он говорит: «Пойдем к маме, к матери моей». Они жили — Столешников переулок, на третьем этаже. Мы пришли, познакомились. Пелагея Ефимовна, Вера Васильевна (значит, дочь). Накрыли стол, разговаривали. Я уже был артист Театра Станиславского... Так случилось, что что-то случилось.

Н. С.: А чем она занималась?

Н. Д.: Она в Ленинграде окончила Литературный институт, но у нее была забота — мама, Пелагея Ефимовна. Она душевнобольной человек была. Хотя там и Фурманова приходила, и генералы <нрзб> артиллерии Чапаева. А потом нам, инвалидам войны... Я инвалид второй группы. Инвалидам войны предложили построить дачи, и на Шереметьево построили дачи. Кстати, пленные немцы строили эти дачи.

Н. С.: Мне очень обидно, что мы пересказываем. Хочется же подробно вас расспросить.

Н. Д.: Чего подробно?

Н. С.: Мы с вами про войну потом поговорим, а вот про Бондарчука еще...

Н. Д.: Пожалуйста.

Н. С.: Про учебу. Если вы не устали, потому что мы можем продолжить в следующий раз.

Н. Д.: Ну, можно и в следующий раз. Но если мы с ним жили в одной комнате, питались вместе с ним, варили борщи, и все-все делали...

Н. С.: Кто варил?

Н. Д.: Играли, играли и все сами делали. Даже Ирина на меня очень обиделась. Скобцева имеется в виду. Я в одном из интервью давно-давно сказал, что недостаток Сережи Бондарчука... Я вообще никогда не курил, даже в армии, на фронте не курил. А он курил очень много. Иногда у нас не хватало даже, у него... Ну, мы как-то вместе деньги тратили. Правда, отец очень помогал нам иногда. Он был председателем колхоза и иногда нам и продукты, и сало...

Н. С.: А ваши родители помогли? Или у них такой возможности не было?

Н. Д.: Ну, как-то так... Ну, не очень. У нас было все. Нам стипендию платили. За участие в спектакле нам деньги платили. За шумы, которые мы иногда делали (выстрелы, барабаны или чего-то такое), платили пять рублей вообще-то.

Н. С.: А что можно было на пять рублей купить?

Н. Д.: Да пять дней жить.

Н. С.: Ничего себе.

Н. Д.: Да. Колбаса два рубля стоила.

Н. С.: Килограмм.

Н. Д.: Да. Да, было трудно, но вот я не ощутил трудностей в жизни, не ощутил. То есть я к этому отношусь спокойно.

Н. С.: А кого-нибудь из ваших однокурсников репрессировали? Или бог миловал?

Н. Д.: Да на эту тему вообще не было никогда разговора!

Н. С.: То есть это все мимо прошло.

Н. Д.: Нет, не мимо, было все. Да, были стукачи. Но и воровства не было очень, чтобыкто-нибудь чего-нибудь...

Н. С.: А стукачи — вы имеете в виду, на курсе были?

Н. Д.: Нет. Я имею в виду, что в магазинах иногда были жалобы: директор с кем-то поссорился — ему могли баяку какую-то сделать, но это не... Не знаю, ну, мне не...

Н. С.: То есть то, что называется Большим террором, прошло незамеченным.

Н. Д.: У меня был период однажды... Вот с Донецка почему мы переехали? Что там отец встретился с одним, и он как-то не очень хорошо... «А ты чего, что ты...» Ну, в смысле...

Н. С.: Сбежал?

Н. Д.: Да. Очень был, что он здесь был где-то на Колыме...

Н. С.: Николай Лукьянович, то, что вы рассказываете, на мой взгляд, безумно интересно. Я готова слушать и слушать. Это невероятно. Это же целая эпоха, в которой все это...

Н. Д.: Да, эпоха.